

ПЕРЕКРЕСТЬЯ
РУССКОЙ
МЫСЛИ

андрей
ТЕСЛЯ

Андрей Александрович Тесля — ведущий специалист по русской общественной мысли XIX века, кандидат философских наук. В серии **«Перекрестья русской мысли»** делается попытка сдвинуть **ключевых персонажей интеллектуальной жизни** России XIX века с «насиженных мест» в истории русской философии и **создать наиболее точную и объемную картину эпохи.**

николай
КОСТОМАРОВ

Прежде всего, Костомаров предлагает видение **единой русской истории**, субъектом которой является **народ**

Две русских
народности

Перекрестья русской мысли с Андреем Теслей

Николай Костомаров

Две русских народности (сборник)

«РИПОЛ Классик»

1880

УДК 122/129

ББК 71.0

Костомаров Н. И.

Две русских народности (сборник) / Н. И. Костомаров — «РИПОЛ Классик», 1880 — (Перекрестья русской мысли с Андреем Теслей)

ISBN 978-5-386-10635-5

Современный читатель и сейчас может расслышать эхо горячих споров, которые почти два века назад вели между собой выдающиеся русские мыслители, публицисты, литературные критики о судьбах России и ее историческом пути, о сложном переплетении культурных, социальных, политических и религиозных аспектов, которые сформировали невероятно насыщенный и противоречивый облик страны. В книгах серии «Перекрестья русской мысли с Андреем Теслей» делается попытка сдвинуть ключевых персонажей интеллектуальной жизни России XIX века с «насиженных мест» в истории русской философии и создать наиболее точную и объемную картину эпохи. Николай Иванович Костомаров (1817–1885) – не только выдающийся русский историк, чьи труды активно переиздаются по сей день, но и один из создателей украинофильства, продолжатель традиций казацкой историографии и одновременно создатель новой историографической традиции. Его публицистические высказывания с конца 1850-х годов и вплоть до кончины неизменно оказывались в центре общественного внимания, порождая многочисленные дискуссии и горячую полемику. Его обвиняли как в непонимании или даже предательстве интересов Украины, так и в пагубных для Российской империи стремлениях и чаяниях равно как других, например сибирских областников, он воодушевлял на поиски новых форм устройства общественной и политической жизни империи. Сейчас его публицистическое наследие малоизвестно, в то время как голоса его прошлых оппонентов достаточно слышны, а чтобы понять вновь и вновь оказывающееся актуальным прошлое, надлежит выслушать и другую сторону. Вниманию читателя представляется уникальное собрание научных и публицистических работ

Костомарова, включая один из наиболее известных его трудов – «Две русских народности».

УДК 122/129

ББК 71.0

ISBN 978-5-386-10635-5

© Костомаров Н. И., 1880

© РИПОЛ Классик, 1880

Содержание

Н.И. Костомаров	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Иванович Костомаров

Две русских народности

© Тесля А. А., вступительная статья, дополнительные материалы, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Н.И. Костомаров

Две русских народности

Без всякого сомнения, географическое положение было первым поводом различия народностей вообще. Чем народ стоит на более детской степени цивилизации, тем более и скорее географические условия способствуют сообщению ему своеобразного типа. Не имея твердых начал, народы легко изменяются, переходят с одного места на другое, ибо запас воспитания, полученного на прежних жилищах, слишком скуден, и, развиваясь на новоселье, они принимают и усваивают легко новые условия, какие сообщаются им характером местности и стечением обстоятельств. Борьба может быть тем незначительнее, чем менее в народе того, на что можно опереться. Но те, которые на прежней родине успели получить что-нибудь такое, что удовлетворяло их, сознавалось полезным или священным, те, и переменяя отечество, переносят в него старые зачатки, и они для них становятся точками опоры, когда условия нового отечества начнут побуждать их к самоизменению. Понятно, что англичанин, переселившийся близко к тропикам, долго будет сохранять свою цивилизацию, свои привычки и понятия, приобретенные воспитанием на своем северном острове. Напротив, если бы перевести толпу американских индейцев в Россию, то при сообщении с русскими они бы усвоили образ господствующей туземной народности; если же бы оставить их изолированными от сближения с северною образованностью, они в ближайших поколениях изменились бы сообразно климату, почве и местности и образовали бы сами из себя совершенно иную народность, в которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало их прежнюю отдаленную родину. В глубокой древности, во времена юности народов, переходы их из края в край порождали своеобразные типы и образовали народности.

Но народы не изменялись, и их народности не формировались от одних переходов и вообще от географических условий. Вместе с тем действовали жизненные исторические обстоятельства. Переходя с места на место, они не оставались изолированными, но находились в сношениях или в столкновениях с другими народами; от взаимного трения зависело их развитие и образование жизненных форм. Другие подвергались изменениям, не переменяя жительства, от наплыва или влияния соседей и пришельцев; наконец, такие или иные повороты их общественного быта отпечатлевались на народном существе и клали на будущие времена особые приметы, не сходные с прежними, и таким образом мало-помалу народ в течение времен изменялся и становился уже не тот, чем был некогда. Все это составляет то, что можно одним словом назвать историческими обстоятельствами. Здесь большая или меньшая степень развитости цивилизации способствует скорейшему или медленному действию влияния изменяющих начал. Все здесь происходит по тому же закону, как и тогда, когда изменения производятся географическими условиями. Народ образованный крепче стоит за свое прежнее, упорнее хранит свои обычаи и память предков. Завоеванная Римом Греция покоряет потом Рим своею образованностью, тогда как завоеванная тем же Римом Галлия теряет свой язык и народность, уступая более образованным и сильным завоевателям. Встреча с народом слабейшим укрепляет народность сильнейшего, как встреча с сильнейшим ослабляет.

Образование народности может совершаться в разные эпохи человеческого развития, только это образование идет легче в детстве, чем в зрелом возрасте духовной жизни человечества. Изменение народности может возникнуть от противоположных причин: от потребности дальнейшей цивилизации и от оскудения прежней и падения ее, от свежей, живой молодости народа и от дряхлой старости его. С другой стороны, почти такое же упорство народности может истекать и от развития цивилизации, когда народ выработал в своей жизни много такого, что ведет его к дальнейшему духовному труду в той же сфере; когда у него в запасе много инте-

ресов для созидания из них новых явлений образованности и от недостатка внешних побуждений к дальнейшей обработке запасенных материалов образованности; когда народ довольствуется установленным строем и не подвигается далее. Последнее мы видим на тех народах, которые приходят в столкновение с такими, у которых силы более, чем обыкновенно: верхние слои у этих народов усваивают себе народность чужую, народность, господствующую над ними, а масса остается с прежнею народностью, потому что подавленное состояние ее не позволяет ни собраться побуждениями к развитию тех начал, какие у ней остались от прежнего времени, ни усваивать чуждую народность вслед за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, есть самосознание народности. Без литературы последняя только страдательное явление, и потому чем богаче, чем удовлетворительнее у народа литература, тем прочнее его народность, тем более ручательств, что он упорнее охранит себя против враждебных обстоятельств исторической жизни, тем самая сущность народности является осязательнее, яснее.

В чем же состоит эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явления внешней жизни, составляющие сумму отличий одной народности от другой, суть только наружные признаки, посредством которых выражает себя то, что скрывается на дне души народной. Духовный состав, степень чувства, его приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, – все, что образует нрав и характер народа, – это сокровенные внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостность его телу. Все, что входит в круг этого духовного народного состава, не высказывается поодиночке, отдельно одно от другого, но вместе, нераздельно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполне составляет единый стройный образ народности.

Приложим эти общие черты к нашему вопросу о различии наших русских народностей.

Начало этого отличия теряется в глубокой древности, как и вообще распадение славянского племени на отдельные народы. С тех пор как о славянах явились известия у греческих писателей, они уже были разделены и стали известны то под большими отделами, то в разнообразии малых ветвей, из которых многие не знаешь куда приютить. Так, по Прокопию, славянское племя представляется разделенным на две большие ветви: антов и славов; по Иорнанду – на три: славов, антов и венедов. Без сомнения, каждая из больших ветвей дробилась на меньшие. Известия Прокопия и Маврикия о том, что славяне вели между собою беспрестанные войны и жили рассеянными группами, указывает на существование дробления народных отделов, ибо где вражда между группами народа, там неизбежно через то самое образуются этнографические особенности и отличия. У Константина Порфирородного исчисляются уже разные мелкие ветви славян. У нашего первоначального летописца отдел собственно русских славян изображается раздробленным на несколько ветвей, каждая с отличиями от другой, со своими обычаями и нравами. Без сомнения, между одними из них более взаимного сродства, чем между другими, и таким образом несколько этнографических ветвей начали, в более обобщенном образе своих признаков, представлять одну народность, так же как и все вместе русско-славянские народности – одну общую, русскую, в отношении других славянских племен на юге. Но есть ли в древности следы существования южнорусской народности, было ли внешнее соединение славянских народов юго-западного пространства нынешней России в таком виде, чтоб они представляли одну этнографическую группу? Прямо об этом в летописи не говорится; в этом отношении счастливее белорусская народность, которая, под древним именем кривичей, обозначается ясно на том пространстве, которое она занимала впоследствии и занимает в настоящее время со своим разделом на две половины: западную и восточную. На юге в древности, упоминаются только народы, и нет для них общего, сознательно одинакового для всех названия. Но чего не договаривает летописец в своем этнографическом очерке, то дополняется самой историей и аналогией древнего этнографического разветвления с существующим в настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народ-

ности как одного из типов славянского мира, слагающего в себе подразделительные признаки частностей, – это поразительное сходство южного наречия с новгородским, которого нельзя не заметить и теперь, по совершении многих переворотов, способствовавших к тому, чтобы стереть и изменить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствием многих рассеянных черт южнорусского наречия в великорусских областных наречиях; если один признак встречается в том или в другом месте и не может служить сам по себе доказательством древнего сродства одних предпочтительно пред другими, то собрание множества признаков, составляющих характер южного наречия, в новгородском, несомненно, указывает, что между древними ильменскими славянами и южноруссами было гораздо большее сродство, чем между южноруссами и другими славянскими племенами русского материка. В древности это сродство было нагляднее и ощутительнее. Оно прорывается и в новгородских летописях и в древних письменных памятниках. Это сродство не могло возникнуть иначе, как только в глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями края не имели такого живого народного сообщения между собою, при котором бы могли перейти с одного на другое сходные этнографические признаки. Только в незапамятных, доисторических временах скрывается его начало и источник. Оно указывает, что часть южнорусского племени, оторванная силою неизвестных нам теперь обстоятельств, удалилась на север и там водворилась со своим наречием и с зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родине. Это сходство южного наречия с северным, по моему разумению, представляет самое несомненное доказательство древности и наречия и народности Южной Руси. Разумеется, было бы неосновательно воображать, что образ, в каком южнорусская народность с ее признаками была в древности, тот самый, в каком мы ее встречаем в последующие времена. Исторические обстоятельства не давали народу стоять на одном месте и сохранять неизменно одно положение, одну постать. Если мы, относясь к древности, говорим о южнорусской народности, то разумеем ее в том виде, который был первообразом настоящего, заключал в себе главные черты, составляющие неизменные признаки, сущность народного типа, общего для всех времен, способного упорно выстоять и отстоять себя против всех напоров враждебно-разрушительных причин, а не те изменения, которые этот тип то усваивал в течение времени и перерабатывал под влиянием главных своих начал, то принимал случайно и терял как временно наплывшее и несвойственное его природе.

Обращаясь к русской истории, можно проследить, как недосказанное летописцем в его этнографическом очерке о Южной Руси само собой высказало себя в цепи обстоятельств, образовавших историческую судьбу южнорусского народа. Если первоначальный этнограф, исчисляя своих полян, древлян, улучей, волян, хорватов, не дал им всем одного названия, отдельного от других славян русского материка, то им его дала вскоре история. Это название – «Русь», название первоначально порусско-варяжской горсти, поселившейся среди одной из ветвей южнорусского народа и поглощенной ею вскоре. Уже в XI веке название это распространилось на Волынь и на нынешнюю Галицию, тогда как не переходило еще ни на северо-восток, ни к кривичам, ни к новгородцам. Уже ослепленный Василько, исповедуясь в своих намерениях присланному к нему Василию, говорит о плане мстить ляхам за землю русскую и разрушить не Киев, но ту страну, которая впоследствии усвоила себе название Червонной Руси. В XII веке, в земле Ростовско-Суздальской, под Русью разумели вообще юго-запад нынешней России в собирательном смысле. Это название, отличное от других славянских частей, сделалось этнографическим названием южно-русского народа; мелкие подразделения, которые исчислил летописец в своем введении, исчезли или отошли на третий план, в тень; они были, как видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединение и выплыли наружу одни общие, единые для них признаки. Название Руси за нынешним южнорусским народом перешло и к иностранцам, и все стали называть Русью не всю федерацию славянских племен материка нынешней России, сложившуюся с прибытия варягов-руси под верховным первенством

Киева и не исчезнувшую в духовном сознании даже и при самых враждебных обстоятельствах, поколебавших ее внешнюю связь, а собственно юго-запад России, населенный тем отделом славянского племени, за которым теперь усваивается название южнорусского или малороссийского. Это название так перешло с последующих времен. Когда толчок, данный вторичным влиянием литовского племени в судьбу славянских народов всей западной части русского материка, соединил их в одно политическое тело и сообщил им новое соединительное прозвище – «Литва», это прозвище стало достоянием белорусского края и белорусской народности, а южнорусская осталась с своим древним привычным названием Руси.

В XV веке различались на материке нынешней России четыре отдела восточнославянского мира: Новгород, Московия, Литва и Русь; в XVI и XVII, когда Новгород был стерт, – Московия, Литва и Русь. На востоке имя Руси принималось как принадлежность к одной общей славянской семье, разветвленной и раздробленной на части; на юго-западе это было имя ветви этой семьи. Суздалец, москвич, смолянин были русские по тем признакам, которые служили органами их соединительности вместе: по происхождению, по вере, по книжному языку и соединенной с ним образованности; киевлянин, вольнец, червоннорусс были русские по своей местности, по особенностям своего народного, общественного и домашнего быта, по нравам и обычаям; каждый был русским в тех отношениях, в каких восточный славянин был не русский, но тверитянин, суздалец, москвич. Так как слитие земель было дело общее, то древнее название, употребительное в старину для обозначения всей федерации, сделалось народным и для Восточной Руси, коль скоро общие начала поглотили развитие частных: с именем Руси для них издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда из разных земель составилось московское государство, это государство легко назвалось русским, и народ, его составлявший, усвоил знакомое прежде ему название и от признаков общих перенес его на более местные и частные признаки. Имя русского сделалось и для севера и для востока тем же, чем с давних лет оставалось как исключительное достояние юго-западного народа, тогда последний остался как бы без названия; его местное частное имя, употреблявшееся другим народом только как общее, сделалось для последнего тем, чем прежде было для первого. У южнорусского народа как будто было похищено его прозвище. Роль должна была перемениться в обратном виде. Так как в старину Северо-Восточная Русь называлась Русью только в общем значении, в своем же частном имела собственные наименования, так теперь южнорусский народ мог назваться русским в общем смысле, но в частном, своенародном, должен был найти себе другое название. На западе, в Червонной Руси, где он стал в сопротивление с чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее название в частном значении, и так галицкий червоннорусс остался русским, русином, ибо имел столкновение с поляками, немцами, уграми; в его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшие признаки общей русской народности, являлась принадлежность его к общему русскому миру, черты такие, как вера, книжный богослужебный язык и история, напоминавшая ему о древней связи с общерусским миром. Все это предохраняло его от усилий чуженародных элементов, грозивших и грозящих стереть его. Но там, где та же народность столкнулась с северно- и восточнорусскою, там название русского, по отношению к частности, не имело смысла, ибо южноруссу не предстояло охранять тех общих признаков своего бытия, которые не разнили, а соединяли его с народом, усвоившим имя русское. Тут название русского необходимо должно быть замениться таким, которое бы означало признаки различия от Восточной Руси, а не сходства с нею. Этих народных названий являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительного, может быть потому, что сознание своенародности не вполне выработалось. В XVII веке являлись названия: «Украина», «Малороссия», «Гетманщина», – названия эти невольно сделались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только местные и временные явления его истории. Выдуманное в последнее время название южноруссов остается пока книжным, если не навсегда останется таким, потому что

даже по своему сложному виду как-то неусвоительно для обыденной народной речи, не слишком любящей сложные названия, на которых всегда почти лежит отпечаток задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Мимоходом замечу, что из всех названий, какие были выдумываемы для нашего народа, чтоб отличить его от великорусского, более всех как-то приняло полное значение название хохла, не по своей этимологии, а по привычке, с какою усвоили его великоруссы. По крайней мере, сказавши «хохол», великорусс понимает под этим словом действительно народный тип. Хохол для великорусса есть человек говорящий известным наречием, имеющий известные приемы домашней жизни и нравов, своеобразную народную физиономию. Странно было бы думать о возможности принятия этого насмешливого прозвища за серьезное название народа – все равно как если бы англичанин прозвище Джона Буля сделал серьезным именем своего племени. Но из всех существовавших прозвищ и названий это едва ли не более других усвоенное в смысле народной особенности. Не только великоруссы называют южноруссов хохлами, но и сами последние не редко употребляют это название, не подозревая уже в нем ничего насмешливого; впрочем, это только в восточном крае пространства, заселенного южноруссами. Неусвоиваемость его всем южнорусским народом, не менее его насмешливого происхождения, не позволяет искать в нем приличного названия для народа.

Но я отклонился несколько от своей цели. Дело в том, что название Руси укрепилось издревле за южнорусским народом. Название не возникает без факта. Нельзя навязать народу ни с того ни с сего какое-нибудь имя. Это могло приходиться в голову только таким мудрецам, против которых мы недавно писали и которые нам сообщили прекурьезную новость, как Екатерина II высочайшим повелением даровала московскому народу имя русского и запретила ему употреблять древнее свое имя – «москвитяне». Вместе с названием развивалась и самобытная история жизни южнорусского народа. Известно, в какое неприятное положение ставят нас старые наши летописцы, коль скоро мы захотим исследовать судьбу старой народной жизни: нас угощают досыта княжескими междоусобиями, известиями о построении церквей, со щепетильною точностью сообщают о днях, даже о часах кончины князей и епископов, но как постучишься к ним в двери сокровищницы народной жизни – тут они немые и глухие, и заброшены давно в море забвения ключи от этих заветных дверей. Слабые, неясные тени остались от далекого прошедшего. Но и этих теней пока достаточно, чтоб видеть, как рано Южная Русь пошла иным, своеобразным путем возрастая отлично от севера. Одни и те же общие начала на юге устанавливались, утверждались, видоизменялись иным образом, чем на севере. До половины XII века север, а еще более северо-восток нам мало известны. Летописные сказания тех времен вращаются только на юге; новгородские летописи представляют как будто какое-то оглавление утраченного летописного повествования, так коротки и отрывочны местные известия, в них сохранившиеся, и, признаюсь, как-то странно слышать проповедуемые некоторыми почтенными исследователями и усвоенные учителями в школах глубокомысленные наблюдения над развитием новгородских общественных начал соразмерно переворотам и движениям удельного русского мира, когда на самом деле тут можно судить только о развитии новгородских летописей, а никак не новгородской жизни. Но о судьбе северо-восточного русского мира этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны в ранние времена нашей истории не осталось даже и такого оглавления, и это тем досаднее, когда знаешь, что именно тогда-то в этом крае и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впоследствии сделалось рычагом соединения и всего русского мира и залогом грядущего обновления всего славянского... ее таинственное происхождение и детство облечено непроницаемым туманом. При невозможности рассеять его густые слои остается или поддаться искушению и пуститься в бесконечные догадки и предположения, либо, как некогда делали, успокоиться на утишающей всякое умственное волнение мысли, что так угодно было верховному промыслу и что причины, почему великорусская народность стала такою именно, какую явилась впоследствии, зависели от неисповедимой воли. И тот и другой способ мышле-

ния не удовлетворяет нашей потребности. Догадки и предположения не сделаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомненной логической связью явлений. Мы не сомневаемся в промысле, но верим при этом, что все, что ни случается в мире, управляется тем же промыслом, как известное, так и неизвестное, а опираясь в суждениях только на промысл, не останется ничего для самого суждения. Дело истории – исследовать причины частных явлений, а не причину причин, недоступную человеческому уму. Единственно, что мы знаем о северо-востоке, – это то, что там было славянское народонаселение посреди финнов и с значительным перевесом над последними, что край этот имел те же общие зачатки, какие были и в других землях русского мира, но не знаем ни подробностей, ни способа применения общих начал к частным условиям. На юге между тем весь народ южнорусский в начале XI века ощутительно обозначается единством; несмотря на княжеские перегородки, он беспрестанно напоминает о своем единстве событиями своей истории; он усваивает одно имя Руси; у него одни общие побуждения, одни главные обстоятельства вращают его; его части стремятся друг к другу, тогда как земли других ветвей общерусского славянского племени, например кривичи, обособляются своеобразными частями в федеративной связи. Новгород, обособленный с своею землею на севере, постоянно стремится к югу; он ближе к Киеву, чем к Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходит от ближайшей этнографической его связи с югом.

С половины XII века обозначается в истории характер Восточной Руси, Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явления ее самобытной жизни, по древней нашей летописи, начинаются с тех пор, как Андрей Юрьевич в 1157 году был избран особым князем всей земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный дух, господствующий в общественном строе этого края, и склад понятий об общественной жизни, управлявший событиями, – отличие этих понятий от тех, которые давали смысл явлениям в Южной Руси и в Новгороде. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляет драгоценный предмет для исследователя нашего прошедшего; тут открывается нарисованная, хотя неясно, наподобие изображений в наших старых рукописях, картина детства великорусского народа. Тут можно видеть первые ростки тех свойств, которые составляли впоследствии источник его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете детство великого человека и ловите в его ребяческих движениях начатки будущих подвигов.

Что отличает народ великорусский в его детстве от народа Южной Руси и других земель русских – это стремление дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избирают единым по всей земле, на все города. У него несколько братьев и два племянника; их изгоняют, дозволяют оставаться только двум: одному, который по болезни не может быть никаким деятельным членом земли, и другому, который не показывает никаких властолюбивых наклонностей. Изгнание братьев не дело единого Андрея, но дело целой земли. Летописец края говорит, что те же, которые поставили Андрея, те же изгнали меньших братьев. Это единство, к которому явно стремились понятия, не могло, однако, сразу утвердиться и обратиться в постоянный и привычный порядок; впоследствии земля снова имела разом нескольких князей, но зато один из них был великий князь верховный всей земли. Вместе с тем тогда уже является стремление подчинить своей земле другие русские земли. Так, Муромская и Рязанская земли уже были подчинены с своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личные желания одних князей, напротив, князья, принадлежа к роду, которого значение связано было с единством всей русской федерации, сами заимствовали в восточнорусской местности это местное стремление. Из нескольких черт, сохранных летописцем, при всей скупости последнего на заявление народных побуждений, видно, что князья в делах, обличавших, по видимому, их личное властолюбие, действовали по внушению народной воли, и то, что приписывалось их самовластию, надобно будет приписать самовластным наклонностям тех, которые окружали князей. Когда Всеволод захотел отпустить пойманных князей, своего племянника и

Глеба Рязанского, владимирцы не допустили до этого и приговорили ослепить их. Когда тот же Всеволод идет на Новгород и осаждают Торжок, он расположен к миру и не хочет разорять волости, но дружина его требует этого: оскорбление князю она считает оскорблением себе. «Мы не целовать их пришли», – говорят владимирцы иронически. Таким образом, стремление подчинить Новгород и вражда с Новгородом истекла не из княжеских, а из народных побуждений, и оттого-то новгородцы, отбив суздальцев от стен своего города, скоро сходились с суздальскими князьями и, напротив, неистово мстили суздальцам, продавая каждого суздальца по две ногаты. Оттого с таким ожесточением, с такою надменностью ополчалась суздальская земля против новгородцев, вошедших туда победителями под знаменем Мстислава Удалого. Несколько раз можно заметить, как во время нападений князей восточнорусской земли на Новгород прорывалась народная гордость этой земли, успевшая уже образовать предрассудок о превосходстве своего народа пред новгородцами и о праве своего первенства над ними. Элементы образованности, воспитанные на киевской почве под православными понятиями, перешли в восточную землю и там приняли иного рода рост и явились в ином образе. Вместо Киева южного явился на востоке другой Киев – Владимир; по всему видно, существовала мысль создать его другим Киевом, перенести старый Киев на новое место. Там явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотые Ворота, явились названия киевских урочищ: Печерский город, река Лыбедь. Но нельзя было старого Киева оторвать от днепровских гор; те же отростки под северо-восточным небом, на чуждой почве, выросли иначе, иным деревом, другие плоды принесли.

Старые славянские понятия об общественном строе признавали за источник общей народной правды волю народа, приговор веча, из кого бы то ни состоял этот народ, как бы ни собиралось это вече, смотря по условиям; эти условия то расширяли, то суживали круг участвующих в делах, то давали вечу значение всенародного собрания, то ограничивали его толпою случайных счастливых в игре на общественном поле. При этом давно уже возникла и укоренилась в понятиях идея князя – правителя, третейского судьи, установителя порядка, охранителя от внешних и внутренних беспокойств; между вечевым и княжеским началом само собою должно было возникнуть противоречие, но это противоречие улеглось и примирялось признанием народной воли веча под правом князя. ... Князь был необходим, но князь избирался и мог быть изгнан, если не удовлетворял тем потребностям народа, для которых был нужен, или же злоупотреблял свою власть и значение. Принцип этот в XI, XII и XIII веках вырабатывается везде: и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке, и в Ростове, и в Галиче. Его явление соотносилось с различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условиями, в какие поставлены были судьбой русские земли. Этот принцип принимал то более единовластительного, то более народоправного духа; в одних землях князья выбирались постоянно из одной линии, и, таким образом, водворение их приближалось к наследственному праву, и если не совершенно образовалось последнее, то потому только, что не успело заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умеряло непреложность обычая; в других, в Новгороде, при выборе князя народная воля не соблюдала вовсе никаких обычаев преемничества, кроме насущных текущих условий края.

В Киеве напрасно было бы искать какого-нибудь определенного права и порядка в преемничестве князей. Существовала, правда, в их условии неясная идея старейшинства, но народное право избрания стояло выше ее. Изяслав Ярославич был изгнан киевлянами. Киевляне избрали полоцкого князя, случайно сидевшего в киевской тюрьме и уж ни по какому праву не ожидавшего такой чести. Изяслав олько с помощью чужеземцев утвердился снова в Киеве. То был род чужеземного завоевания, и недаром после того поляки начали смотреть на Южную Русь как на свою лену. Через несколько времени, едва только киевский князь избавил и себя и киевлян от пособников, как был снова изгнан. Князь черниговский вступил на княжение киевское. Изяслав опять должен был бежать. Хотя по этому поводу в летописи и не говорится об

участии киевлян, но само собою разумеется, что оно было: с одной стороны, не могли киевляне любить князя, который приводил на них чужеземцев и отдавал на казнь тех, кого подозревал в нерасположении и верховодстве над народом в минуту своего изгнания, с другой – и Святослав не мог бы водвориться в Киеве и свободно им править четыре года, если бы встретил оппозицию в народе. В дальнейшей истории несколько раз у летописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранию и так же прогонялись; что вече считало за собою право судить их, прогонять и казнить установленные ими второстепенные власти, а иногда и их самих. Мономах был избран, и в то же время постиг народный суд приближенных прежнего князя. Всеволод, желая передать княжение брату Игорю, не мог этого сделать иначе, как испросив согласие веча; то же вече низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потом убило Игоря. Изяслав Давидович, Ростислав Мстиславич, Мстислав Изяславич, Роман Ростиславич, Святослав Всеволодович, Роман Мстиславич – обо всех этих князьях есть черты, показывающие, что они были избраны волею киевлян. Мало-помалу значение народа, руководящего делами, осталось за воинственной толпой дружин, шаек, составлявшихся из разных удальцов; они-то возводили и низвергали князей, князья были как бы орудием их и – как всегда бывает в воинской державе – могли держаться только силою воли, умением, а не значением, какое занимали в своем роде.

Инородцы тюркского племени – черные клобуки, торки, берендеи – играли здесь деятельную роль наравне с туземцами, так что масса, управлявшая делами края, представляла пеструю смесь племен. Таков был образ быта киевской земли. Казачество уже возникало в XII–XIII веке. В Червонной Руси князья тоже избирались и прогонялись. Князь до того был зависим от веча, что даже семейная его жизнь состояла под контролем галичан. В Галицкой земле народная сила и значение сосредоточились в руках бояр – лиц, которые силою обстоятельств выступали из массы и овладевали делами края. Здесь уже прорывались начала того панства, которое под польским владычеством охватило страну и, противопоставив себя массе народа, вызвало наконец ее в лице казаков. Читая историю Южной Руси XII и XIII века, можно видеть юношеский возраст того общественного строя, который является в возмужалом виде через несколько столетий. Развитие личного произвола, свобода, неопределительность форм были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии. С этим вместе соединялось непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного – все, что неминуемо вытекало из перевеса личности над общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народного единства, но не думала его поддерживать: напротив, сам народ, по видимому, шел к разложению и все-таки не мог разложиться. В Южной Руси не видно ни малейшего стремления к подчинению чужих, к ассимилированию инородцев, поселившихся между ее коренными жителями; в ней происходили споры и драки более за оскорбленную честь или за временную добычу, а не с целью утвердить прочное вековое господство. Только на короткое время, когда пришельцы-варяги дали толчок полянам, последние делаются как бы завоевателями народов: является идея присоединения земель, потребность центра, к которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малейших попыток плотно прикрепить эти земли. Киев никак не годился быть столицей централизованного государства; он не искал этого, он даже не мог удержать первенства над федерацией, потому что не сумел организовать ее. В натуре южнорусской не было ничего насилующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути к предназначенной цели. То же самое является на отдаленном севере, в Новгороде; суровое небо мало изменило там главные основы южного характера, и только неблагодарность природы развила более промышленного духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая деятельность соединялась там с тою же удалью, с тою же неопределенностью цели и нетвердостью способов к ее достижению, как и воинственное удалство южных шаек. Новгород был всегда родной брат Юга. Политики у него не было; он не думал утвердить за собою своих обширных владений и сплотить раз-

народные племена, которые их населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношение слоев народа; строй его правления был всегда под влиянием неожиданных побуждений личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмерно важное торговое значение, но он не изыскивал средств обращать в свою пользу эти условия и упрочить выгоды торговли для автономии своего политического тела; оттого он в торговом отношении попал совершенно в распоряжение иностранцев. В Новгороде, как и на Юге, было много порывчатого удалства, широкой отваги, поэтического увлечения, но мало политической предприимчивости, еще менее выдержки. Часто горячо готовился он стоять за свои права, за свою свободу, но не умел соединить побуждений, стремившихся, по-видимому, к одной цели, но тотчас же расходившихся в приложении; потому-то он всегда уступал политике, отплачивался продуктами своей торговой деятельности и своих владений от покушений московских князей даже и тогда, когда, казалось, мог бы с ними сладить; он не предпринимал прочных мер к поддержке своего быта, которым дорожил, не шел вперед, но и не стоял болотной водой, а вращался, кружился на одном месте. Пред глазами у него была цель, но неопределенная, и не сыскал он прямого пути к ней. Он сознавал единство свое с русскою землею, но не мог сделаться орудием ее общего единства; он хотел в то же время удержать в этом единстве свою отдельность и не удержал ее. Новгород, как и Южная Русь, держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.